

Заместитель командира второй магической роты «Лагеря чистокровных» Мимулюс Валленштейн с мрачным видом пришла в командный пункт.

Она заявила подчинённым, что помощь скоро подоспеет, но это всё было ложью. Главный штаб отправил к ним эйнхериев, но их всех в первом же наступлении уничтожили члены «Экс».

Связь с внутренним миром по-прежнему не наладили, и рота Мимулюс оказалась изолирована ото всех в тоннелях метро.

— Прошу прощения... — Мимулюс со вздохом открыла дверь в кабинет командира.

За столом спиной к ней сидел мужчина и писал письмо старомодной перьевой ручкой.

— Как обстановка, Мимулюс? — спросил мужчина, которого вполне можно было назвать пожилым.

— Вы же и так всё знаете. Изнеможение солдат превзошло все мыслимые пределы. Ситуация безнадежная, — со вздохом ответила та.

Старик пригладил волосы и продолжил писать письмо.

— То есть как боевая сила они, грубо говоря, бесполезны?

— Да. Нам нужно как можно скорее отступить и позволить им отдохнуть и залечить раны. Они сдерживали многократно превосходящие силы Инквизиции, нужно соответствующе вознаградить их. Связь с Элизой-самой по-прежнему прервана? Если не получим припасы, нам не...

— Ситуация изменилась. Внутри возникли разногласия, в которых Элиза-сама погибла.

Новость о смерти Элизабет Мимулюс восприняла абсолютно спокойно, даже с облегчением.

— Помощи от нового директора ждать не стоит.

— Что же нам тогда делать?

— Придется развернуть барьер раньше, чем планировалось. Нам нужно уничтожить как можно больше сил противника и создать снаружи нашу территорию. Будем до последнего вздоха защищать Серый город, чтобы подкреплению было куда прибывать.

Мимулюс прищурилась и, приложив к губам руку, погрузилась в размышления.

Первоначальный план заключался в том, чтобы мигом захватить границу и Серый город, развернуть сверхплотный защитный барьер — точно такой же, что укрывают убежища, — и создать территорию ведм во внешнем мире.

Однако сопротивление Инквизиции оказалось куда яростнее, чем ожидалось, и они захватили почти все позиции ведм, пока шла подготовка магической формулы защитного барьера.

— Разведка доложила, что следующая цель противника — наша рота. Уже скоро инквизиторы ворвутся сюда... Поэтому было принято решение бросить всё.

— Подземку? А как будем эвакуировать роту?... У нас не хватит людей, чтобы перенести раненых.

— Ты не так поняла... Наверху решили бросить саму роту.

— Они решили бросить своих же?! — невольно вскричала Мимулюс, когда до неё дошел смысл слов старика.

— Прекрати. Пока противник будет занят нашим лагерем, мы пошлем всех эйнхериев и механических драконов разрушить их лагерь.

— Использовать подчинённых как приманку?! Бросить их и вдвоём вернуться в штаб?! Я против!

— Таково общее решение Западного крыла. Смирись.

— Ну и бегите, если так хочется!.. Я останусь в лагере! Я скорее умру, сражаясь бок о бок с товарищами, чем сбегу! — вышла из себя Мимулюс.

Старик положил очки на стол и развернулся на стуле. Морщины в уголках его глаз стали заметно глубже, словно показывая его усталость. А пепельного цвета кожа свидетельствовала о том, что он явно чем-то болен.

Старик печально, словно отец, жалеющий своего ребенка, посмотрел на Мимулюс.

— По приказу сверху я долго заботился о тебе... И с грустью думал, что это время когда-нибудь настанет. — Командир откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

— О чём это вы? — нахмурилась Мимулюс, не понимая, о чём вдруг заговорил мужчина.

— О нынешней тебе. Ты выросла правильной, благородной девушкой, да ещё и такой

красавицей... И всё же...

Мимулюс, понимая всё меньше и меньше, решила, что он впал в старческий маразм.

Её и старика связывали долгие отношения. Он принял её, сироту, в свою семью и вырастил полноправную ведьму. Несмотря на то, что Мимулюс не придерживалась учения о чистоте крови, между ними почти никогда не случалось размолвок. Он был не из тех, кто стал бы приказывать что-то мерзкое.

— Я выросла такой благодаря вам! Я видела в вас образец для подражания! Поэтому прошу... не обманывайте мои ожидания! — в отчаянии воскликнула Мимулюс.

Старик закрыл лицо руками, словно был больше не в силах скрывать что-то.

— Ненавижу... Я ненавижу «Клетку» за то, что испоганила твою душу и превратила тебя в чудовище... Ненавижу Западное крыло, которое лишь использовало тебя... Ненавижу себя за то, что не осмелился пойти против их приказов...

— Что случилось, командир?! Я вас не понимаю!

— В конце концов, все мои старания обратились в ничто... Все попытки заставить тебя всё забыть и жить обычной жизнью — обычное лицемерие. — Старик вдруг открыл ящик стола, достал из него револьвер и приставил дуло к своему виску. — Колдуну вроде меня больше не под силу сдерживать тебя.

Мимулюс догадалась, что он хочет застрелиться, протянула к мужчине руку и замотала головой.

— Нет... Не надо... Почему? Это из-за меня? Тогда скажите причину! Что мы будем без вас делать?! Что буду делать я?!

— Главные хотят освободить тебя. Они уже несколько раз освобождали тебя во время этой операции, но я больше не могу видеть свою дочь в таком состоянии... Прости своего слабого отца, Мимулюс... Больше тебя никто не будет использовать.

Старик напряг палец на спусковом крючке.

— Отец! Нет! — бросилась к нему Мимулюс.

— Смейся... Хохотунья, — сорвалось с дрожащих сухих губ мужчины, после чего он нажал спусковой крючок.

Услышав слова силы, девушка замерла как вкопанная.

От выстрела голова старика дернулась, и он упал со стула.

Мимулюс забрызгало кровью, но девушка по-прежнему стояла с отрешенным видом и даже не попыталась стереть её.

— ...

Девушка широко распахнутыми глазами смотрела на труп у её ног. Лужа крови и мозгов на полу явственно давала понять, что её приёмный отец мертв.

Однако Мимулюс поняла лишь то, что её оковы спали.

В голову подобно мутному потоку хлынули воспоминания.

Девушка вспомнила, кто она. Что она за человек.

На глазах Мимулюс навернулись слёзы.

Прозрачная капля сбежала по щеке и упала на пол, где вскоре смешалась с кровью.

Это и стало сигналом.

Девушка вспомнила, что нынешняя она — подделка. Что труп на полу — не её отец. Что человека по имени Мимулюс никогда не существовало.

Вспомнив всё и осознав, что жила во лжи, Мимулюс...

— Точно... Я ведь...

Хохотунья жестоко ухмыльнулась.

Хаято Курогане в облике охотника на ведьм и в компании ещё одного члена «Экс» взирал на разрушения с крыши заброшенного здания.

Он владел двумя Пожирателями реликтов: «Калигулой» и «Максимилиан». За всю историю

«Экс» ни одного человека не выбирали сразу два Пожирателя реликтов.

Жуткие черные и величественные серебристые доспехи символизировали собственные атрибуты магической силы — «Деспота» и «Революцию».

Хаято отменил облик охотника на ведьм и, прокрутив револьверы на пальцах, убрал их в кобуру на поясе.

— Каждый раз поражаюсь масштабу разрушений, командир Курогане.

— Надо было приказать тебе сразу же вернуться, Оноги. Из-за тебя пришлось впустую тратить время, — равнодушно ответил мужчина, даже не поворачиваясь к собеседнице.

— Вот так вот вы с посыльными, да? Я передала Оке-сан сообщение, — недовольно сообщила Каната, подойдя к Хаято.

Внизу лежал остов эйнхерия и труп древнего колдуна, однако масштаб разрушений количеству противников явно не соответствовал. Серый город, и без того уже разрушающийся под действием времени, значительно изменился.

— Можно глупый вопрос задать? Кто для вас Ока Отори?

— И что ты будешь делать, когда узнаешь?

— Просто решила любопытствовать, я же часть организации. Она — Отори, пусть и приёмная, так что доверять ей нельзя. Она может погубить нашу подпольную оппозицию, — заявила Каната.

— Мне всё равно, что с вами будет, — как всегда спокойно ответил тот, не отрывая взгляда от улицы.

— Мы вам столько раз помогали, а вы вон как говорите?

— Я лишь попросил вас помочь 35-му взводу сбежать. Попробуете переманить к себе — жалеть не стану.

— Насчёт Хосидзиро-сан не знаю, но лично я сильнее всего хочу переманить вас.

— Я не собираюсь присоединяться к террористам-оппозиционерам, — мгновенно отмахнулся Хаято.

— Да что ж вы так упрямитесь-то? Сами же хотите предать Инквизицию, — вздохнула Каната.

— Я сделаю это по-своему. Уходить из даллаханов я не собираюсь.

— Я тоже. Но в таком случае вы всю жизнь будете плясать под дудку Согэцу Отори. Из-за него миру может настать конец, знаете же.

— ...

— Почему вы так цепляетесь за место инквизитора? Это связано с Окой Отори? — Каната заглянула в лицо командира.

Хаято, на лице которого по-прежнему не отражалось никаких эмоций, перевел взгляд на подчиненную.

— Хватит врать. Уничтожу. Ты ведь уже всё о ней разнюхала, раз у тебя столько времени ушло, чтобы сообщение передать, — угрожающе произнес он.

Взгляд и голос Хаято оставались холодны, даже когда он отчитывал провинившихся подчинённых. Сейчас же его явно переполняла злость.

Даже Каната — лучшая из банши, которая пережила множество ужаснейших битв, испугалась столь сильной жажды крови.

Врать и дальше не стоит, иначе Хаято исполнит своё обещание. Если он сказал, что уничтожит кого-то, — он действительно его уничтожит.

— Я ничего не нашла о родителях Оки-сан, хоть и перерыла кучу документов. Но Хосидзиро-сан удалось узнать кое-что от одного человека.

— ...

— «Багровый блик», ваш бывший командир. Крайне быстро дослужился до командира «Экс», но из-за частого нарушения приказов его заставили подать в отставку. Вскоре после этого его убил кто-то из остатков «Клетки красной бабочки».

Хаято по-прежнему холодно смотрел на Канату.

Та продолжила:

— В базе данных Инквизиции все записи о нём были удалены, а сочувствующих ему тоже уволили. Вскоре их постигла схожая участь. Потому в Инквизиции о нём почти никто не знает.

— ...

— Найти таких было трудно. Да и то почти все отказались говорить.

Каната достала из нагрудного кармана документы и протянула Хаято.

Тот даже не пошевелился.

— Его настоящее имя — Кадзума Минэсиро. У него была жена и дочка, но о своей работе он им не рассказывал. В этом нет ничего необычного, я тоже не распространяюсь о работе.

— ...

— Покинув Инквизицию, он удочерил одну девочку. Она родилась без магической силы и пережила атаку на «Клетку красной бабочки»... — Каната убрала документы и со вздохом взглянула на Хаято. — Прошло почти девять лет с тех пор, как её спасли от «Клетки», но... та девочка — это Ока-сан, я права? — предположила женщина.

Хаято молча закрыл глаза.

Каната расценила молчание как согласие.

— Минэсиро-сан не доверял Согэцу Отори и беспрестанно копал под него. Этим он привлёк внимание других директоров... Его заставили уйти в отставку, а потом убили. Я права?

Хаято не ответил. Каната, сколько бы ни старалась, так и не могла понять, что же он скрывает.

— Минэсиро-сан разузнал нечто очень важное, поэтому Согэцу Отори убил его и его семью, чтобы скрыть правду, оставив в живых лишь Оку-сан, потому что она не связана с ним по крови.

— ...

— Дальше уже моё предположение... Согэцу Отори оставил Оку-сан в живых для того, чтобы вы не предали его? А Минэсиро-сан попросил вас защитить его дочерей, если с ним что-то случится? — с серьёзным видом спросила Каната.

Хаято холодно взглянул на неё и сдержанно рассмеялся.

— Допустим, так и было... Но тебя это не касается.

— Ка-касается. Тогда нам придется защищать вас и Оку-сан...

— Не недооценивай меня, Оноги. — В глазах Хаято горела не злость или раздражение, а уверенность, пониманием цели. — Я ещё не пал так низко, чтобы просить у вас защиты, и не подчиняюсь Согэцу Отори, чтобы защитить дочь Кадзумы Минэсиро. Я не настолько мягок, как «Багровый блик», чтобы переживать из-за собственных поступков.

— П-пусть у вас с Минэсиро-саном и были не самые дружественные отношения, как инквизитор вы всё же должны...

— Он показал мне, каким должен быть охотник на ведьм. Я благодарен ему. Скорее всего, Согэцу Отори действительно удочерил Оку, чтобы я его не предал. Я действительно стараюсь защитить её, поэтому не могу пойти против него. В этом ты права, — спокойно произнес Хаято. — Но её я защищаю точно так же, как и любого гражданского. Я это делаю не из привязанности к ней и не по просьбе Минэсиро. Как инквизитор я просто защищаю тех, кого нужно защищать, и уничтожаю тех, кто должен быть уничтожен. — От его давящего взгляда Каната испуганно сглотнула. — Как инквизитор я не могу позволить ей умереть. Теперь поняла, Оноги?

— Вы просто исполняете обязанности инквизитора и подчиняетесь закону?.. Вы руководствуетесь этим, а не эмоциями... Так?

— Я подчиняюсь собственным законам. И я не собираюсь присоединяться к незаконной организации вроде вашей. Инквизитор так не поступит.

«Незатуманенный взор — вот как его можно сейчас описать», — подумала Каната.

Хаято обладал непоколебимой уверенностью. Он не сможет отступить от идеализированного образа ответственного инквизитора, который прочно прижился в нём. Число противников для него не имеет значения. Для командира нулевого отряда абсолютного уничтожения и всех даллаханов существовало лишь одно понятие инквизитора.

Он — идеальный инквизитор. У него нет понятий добра и зла, лишь системы под названием «закон». Он — человек, функционирующий исключительно как система... сломанный человек.

— ...

Каната пересмотрела свою цель. Завлечь Хаято Курогане в оппозицию невозможно. Он не одобряет существование Согэцу Отори, но и оппозиционеров не одобряет. Если Каната или

Нагаре Хосидзиро совершат преступление, он соответствующе накажет их.

Союзником его не сделать, но и расставаться врагами слишком опасно.

Нужно каким-нибудь образом сохранить отношения на уровне взаимопомощи, потому что этот мужчина опасен даже без своих Пожирателей реликтов.

«Инквизиция разыскивает Хосидзиро-сан, так что и мне недолго осталось скрываться. В обмен на помощь Оке-сан нужно хотя бы попросить рассказать что-нибудь», — решила Каната.

В этот же миг Хаято распахнул глаза и пристально уставился на далёкое здание с куполом. Только Каната задумалась, что же происходит, как здание под ногами затряслось.

— Землетрясение?..

Земля определенно тряслась. С каждой секундой дрожь становилась всё сильнее, и вскоре уже почти сбивала с ног.

— Оноги, приготовь «Нобунагу».

— Э?

— Нас атакуют. Прикрой меня.

Хаято достал свои Пожиратели реликтов и спрыгнул с крыши.

— Стойте! В чём дело?! — попыталась остановить Хаято Каната, но в этот миг по куполообразному зданию пробежала трещина. Крыша спортивной арены треснула как скорлупа.

По спине женщины пробежал холодок, и в то же мгновение воздух сотряс оглушающий рёв, который пробрал Канату до самой души и пробудил в ней первобытный страх.

Из здания появилось три врага. Взревели, задрав к небу головы, определённо...

— Драконы?! Ту штуку из Пятой лаборатории поставили на поток?!

— Чешуя не из синего кристалла, так что защита ниже. Однако стабильность куда выше, — раздался из наушника спокойный голос Хаято.

Каната побледнела.

Противник бросил в бой не только эйнхериев, но и механических драконов.

— Отбеги как можно дальше и прикрывай меня из «Нобунаги». Целься в полётный механизм на спине, это их слабое место. Покончим с ними вдвоём.

— ...

— Отвечай. Ты пока ещё инквизитор и моя подчинённая.

Каната стиснула зубы и на мгновение задумалась.

Она взвесила нежелание умирать здесь и жизни отступающих спригганов. Нагаре Хосидзиро, возглавляющая оппозиционеров, поручила ей лишь склонить на их сторону Хаято Курогане и помочь 35-му взводу сбежать. До посторонних ей дела нет. Задание важнее.

Но если она сейчас бросит свои обязанности инквизитора, Хаято будет охотиться и за ней.

И это куда страшнее.

— Да поняла я, поняла!..

Каната облачилась в свинцового цвета доспехи и вскинула «Нобунагу».

Противник — три фальшивых дракона, созданные «Псевдопризывом легенды». В самом невыгодном положении Каната в отчаянии нажала на спусковой крючок «Нобунаги».

Их целью был вход в метро в десяти километрах от лагеря.

Элитный отряд, куда входил и 35-й учебный взвод, проник на станцию: они пробрались через решётки и заграждения, прошли по неосвещённому подземному переходу, после чего Ока, спрятавшись за телефонами-автоматами, оглядела турникеты через прицел ночного видения.

Следов человеческого присутствия было полно, но самого противника нигде не было.

— Чисто, — доложила Ока, после чего к ней, пригибаясь, подбежали несколько спригганов и Усаги.

— Странно... Даже караульных нет, — обеспокоенно прошептала Усаги.

Ока подошла к натянутому возле входа тенту и коснулась кофейника, который стоял на питаемой магической силой плитке. Он оказался ещё горячим.

Никаких следов того, что отсюда убегали в спешке. Люди как будто просто исчезли.

Другие отряды доложили, что на остальных станциях то же самое. Раз противник не сбежал, то, скорее всего, укрылся где-то дальше, либо ждет их в засаде.

— Похоже на ловушку. Лучше отказаться от операции, — озвучила свои мысли Икаруга.

— Решать не мне... Но спросить я могу.

Предположение Икаруги звучало разумно. Незачем подвергать товарищей опасности.

Ока хотела связаться с командиром, однако в этот миг кто-то стиснул её плечо.

— А ну-ка стой. Выполним операцию — и победа у нас в кармане, так? Нет смысла отступать, — заявил Кёя Киригая, закинув «Нерон» на плечо.

Обычно он действовал в одиночку, но в этот раз почему-то решил присоединиться к 35-му взводу.

Ока пристально посмотрела на него.

— В этой операции участвует почти вся рота. Если мы потеряем людей, падёт вся наша линия защиты.

— Ха, тогда тем более стоит быстрее с этим покончить. Слабаки уже на грани... Не покончим со всем сейчас — нам хана.

В чём-то Кёя был прав. Инквизиторы на фронте уже полтора месяца выживали без подкрепления и поставок продовольствия. Сон там, где невозможно расслабиться, невероятно изматывал, из-за чего у многих начались психологические проблемы. Состав пятой роты сократился до двухсот человек.

Раз уж они зашли так далеко, лучше всё закончить и вернуться со спокойной душой.

— Ладно... Но вперёд пойдём только мы с тобой.

— А?

— Что такое? Испугался? — поддразнила Ока.

У Кёи дернулась щека, а на виске вспухла вена.

— Ты кому это сказала... Нарываешься?!

— Тогда докажи. Я проверю платформу, ты — переход.

— Не приказывай мне, я...

— Оставайся здесь, если боишься. Я сама проверю переход и платформу.

— Иди ты!

Кёя цокнул языком, неохотно забрал у сприггана чемоданчик со взрывчаткой и направился к переходу.

— Им на удивление легко манипулировать, не думаете?

Мужчины пожали плечами, а Усаги отвернулась и выдохнула.

«Я и сама считаю его простаком, но в нём есть нечто большее», — подумала Ока.

Кёя вспыльчив, но именно поэтому его просто настроить на нужный лад.

— Обеспечьте нам путь отступления. Но если мы или другие отряды доложим об опасности, сразу же убегайте, — приказала Ока и направилась к турникетам.

— Отори! — негромко окрикнула её Усаги.

— Не волнуйся, Сайондзи. До возвращения Кусанаги умирать я не собираюсь. Я обязательно вернусь, — мягко улыбнулась девушка, обернувшись.

Усаги покраснела и отвернулась.

— Н-ну раз понимаешь... то ладно. Ты наш временный командир, так что твоя смерть была бы... н-некстати.

— Ага, знаю. Я не умру, — уверенно заявила Ока.

Усаги с облегчением кивнула.

Ока вновь повернулась вперёд, миновала турникеты и спустилась вниз.

Усаги, которая вместе со спригганами осталась у входа, решила осмотреть лагерь.

Заглядывая в палатки, она поняла одно: это лагерь обычных людей. Походные алюминиевые кружки. Потрёпанный спальный мешок, зубная щётка с остатками пасты. Гитара для развлечения, граммофон с несколькими пластинками, губная гармоника. Альбом с журнальными фотографиями и шахматы с пустыми пилюлями вместо отсутствующих фигур. Фото боевых товарищей. Фото семьи. Письмо любимой.

Всё здесь доказывало, что воевали они с вполне обычными людьми.

— Неприятное зрелище...

Девушка с подавленным видом вышла из палатки и заметила дверь в служебный кабинет.

Поскольку внутри вполне могли прятаться враги, она достала пистолет-пулемёт и осторожно приблизилась к двери, после чего повернула ручку и сразу же приняла боевую стойку.

— Что тут...

От увиденного Усаги лишилась дара речи.

Противника в комнате не оказалось. Точнее, там было то, что осталось от него.

Рядом со столом лежало тело старика в военной форме «Лагеря чистокровных».

Усаги опустилась на колени и проверила труп и револьвер, который лежал рядом.

— Он вроде из командиров... Но почему-то застрелился.

Не в силах больше находится рядом с телом старика, девушка поднялась и внимательно осмотрела комнату.

Ото всех мало-мальски важных документов, разумеется, избавились, однако на столе лежала перьевая ручка и письмо.

Усаги сразу же поняла, что это предсмертное письмо старика. Трогать вещи самоубийцы ей не хотелось, но девушка всё же взяла письмо.

«Будет жалко, если кто-нибудь просто выбросит его в мусор», — подумала она. Письмо было адресовано дочери старика.

— Мимулус?.. Это же название цветка.

На языке цветов имя означало «улыбнись мне».

Усаги это имя показалось очень красивым. И оттого она всё больше не понимала, почему старик бросил свою дочь и застрелился. Даже если бы их победили и взяли в плен, он бы всё равно выжил и когда-нибудь сумел бы с ней встретиться.

Девушка с грустью принялась читать.

«Мимулус Валленштейн, мой любимой дочери.

Ты можешь никогда не прочитать это письмо, но я оставляю его с надеждой на то, что ты переживёшь всё, что сейчас происходит.

Мимулус. Я воспитываю тебя уже шесть лет. Ты, наверное, не помнишь, но тебе было четырнадцать, когда мы впервые встретились. Я и по сей день помню, в какой панике я был, когда мне поручили воспитывать девочку-подростка. И хоть мы с тобой часто ругались из-за разницы во взглядах на всё, я радовался даже этим разговорам.

Пусть мы не связаны по крови, я горжусь твоей чистотой и праведностью. Ты выросла очень честным человеком... Спасибо».

В предсмертном письме старик рассказывал о любви к своей дочери. Писал, как сильно он её любит, хоть они и не связаны кровными узами.

— М?

Когда Усаги дочитала письмо, она заметила на столе ещё три скомканных листка. Девушка взяла один из них и развернула.

«Это ложь. Это всё обман.

Раньше я бы прямо тебе всё рассказал, но не теперь.

Я уже не знаю, люблю ли тебя.

Почему? Ты же начала новую жизнь, так почему?

Неужели все мои усилия пошли прахом, и Мимулюс, которую я вырастил, никогда не существовало? Неужели ты смеёшься надо мной за то, что я пытался воспитать тебя честным и открытым человеком?

Ответь мне, Мимулюс. Я люблю тебя точно так же, как и своего родного сына.

Но я... не понимаю тебя. Больше не понимаю».

Строчки были перечёрканы, будто их в спешке пытались скрыть. Слова едва читались, а смысл совершенно не сходился с прошлым письмом.

Усаги напряглась. Она ещё не сообразила, о чём письма, но уже ощущала сквозившее в них безумие.

«Я ненавижу «Клетку», которые сломали и превратили тебя в безжалостную убийцу.

Ненавижу Западное крыло, которое взяло мою семью в заложники и приказало освободить тебя.

О, как же я страшусь тебя, Мимулюс. Как же боюсь твоей улыбки. Я больше не могу видеть тебя такой. Не могу выкинуть из головы твою улыбку. Она такая спокойная, уверенная... помогает другим погрузиться в умиротворение! Я пишу это письмо, а твоя улыбка стоит у меня перед глазами!

Почему ты улыбаешься?! Как ты можешь так открыто улыбаться после всего, что с тобой сотворили?!

Ответь мне, Мимулюс, кто же ты такая?!

Кого же я вырастил?!»

Старик в письме как будто кричал. Он писал о своей вине, любви к дочери и страхе. Его явно разрывали противоречивые чувства.

Дальше письмо превращалось в обычное перечисление слов: кровь из головы старика

забрызгала бумагу.

«Товар. Выдрес...ванная. Рукот...ная убий... Чудо...ще. Ух...ка. Улы... ..бка. Улыбка.

Я же вос...тал тебя. По...му? Я бо...ше не могу улы...ся. Не ...гу. Не мо... Пр...шу, не улы...ся мне. Сбе...ть, с...жать. Не хо... виде... тебя та...й. Не ...чу сме...ся.

Не...вижу. Нена...жу. Не...жу. Шаги ... двер...ю. Это он... Она ...ишла. ...на здесь. В метр... Во тьме. На по... боя.

Она стоит у меня за спиной».

Усаги хоть и ощущала идущее от непонятного письма безумие, все равно развернула последний листок.

На нём огромными буквами была написана всего одна строчка.

«Хохотунья здесь».

По спине девушки побежали мурашки.

Она уронила письма на пол, закрыла рот руками и попятилась к выходу.

— Н-надо... доложить Отори...

Здесь опасно. Надо рассказать всё спригганам, а потом спуститься в метро и забрать Отори.

Упёршись спиной в дверь, Усаги схватилась за ручку, со всей силы распахнула её...

— Хи-и!..

И увидела улыбку.

В поисках врага Ока один за другим проверяла ведущие со станции туннели, но все они были пусты.

— Я проверила дронами другие проходы, но там тоже пусто, никакой биологической реакции.

Хотя тут полно укромных мест, так что не могу быть уверена на все сто, — раздался в наушнике голос Икаруги.

— Здесь должно быть полно людей... У Вальгаллы почти не осталось позиций.

— Прости... Проходы слишком узкие, так что дрон в них проходит только один.

— Не извиняйся, ты мне очень помогла.

Ока осторожно спустилась на платформу.

Пусть с виду она и была спокойна, внутри у неё всё пылало. Ей не давал покоя слух, что Хохотунья здесь.

— Ты сказала Усаги, что всё в порядке, но... на самом-то деле места себе не находишь, да? — неожиданно спросила Икаруга.

— Всё-таки поняла? Ничего от тебя не скроешь. — Ока остановилась и понуро свесила голову.

— Не волнуйся, у нас просто схожий опыт, потому и испытываем мы примерно те же чувства. Люди не из тех, кто не может жить без ясного решения. Тут нечего стыдиться.

Ока посмотрела на ладонь.

Та дрожала так сильно, что эту дрожь вполне можно было спутать с конвульсиями. И девушка прекрасно осознавала, что дрожит не от страха, а от предвкушения, радости от того, что здесь может быть та, кому она должна отомстить.

— У меня предчувствие, что она здесь.

— ...

— И от этого... Я...

— ...

— Мне просто хочется что-нибудь сделать!

Ока осознала, что улыбается, и закрыла лицо руками.

Неудержимая радость выливалась в улыбку. Она не могла не радоваться тому, что скоро может свершить свою месть. Её кровь кипела.

— Ха-ха-ха... Я думала, что... в порядке, но... не перестаю улыбаться с тех пор, как спустилась сюда. Дрожь не утихает... Не думала, что тело настолько честно... Я подавляю предвкушение, а оно снова меня переполняет...

— ...

— Не думала, что буду чувствовать себя настолько странно... Не думала, что я настолько слаба, — самоуничижительно усмехнулась Ока, сжимая трясущуюся ладонь другой рукой.

— Всё в порядке. Я рядом, — неожиданно произнесла Икаруга.

Дрожь Оки на мгновение прекратилась, и девушка, по-прежнему с кривой улыбкой на лице, продолжила слушать.

— Буду жужжать тебе в ухо, чтобы ты какую глупость не совершила. Не волнуйся. Я не позволю тебе превратиться в мстителя.

— Суги... нами...

— Я уже давно поддерживаю вас в бою. И хотя могу только подготавливать оружие да советы по рации давать... Я понимаю, что творится у вас на сердце, — уверенно заявила та.

После этих слов выражение лица Оки вернулось в норму.

— И я понимаю, что ты хочешь отомстить. Человеческая душа — не механизм. Никто не может жить только по логике или какой-то заданной программе. Для того и нужны другие. — Тут Икаруга хихикнула и проказливо добавила: — Сказать это в духе Кусанаги? Для того и нужны товарищи.

— !

— И ты можешь на меня положиться.

Ока сразу представила, как Икаруга с гордым видом говорит, закинув ногу на ногу.

Девушка сделала глубокий вдох и посмотрела вперёд.

«Верно. Я не одна. У меня есть товарищи. На них можно положиться не только в бою, —

подумала она. — Потому их так и называют, верно?»

— Спасибо т-тебе большое. Когда начну выходить из себя — приведи меня в чувство.

— Сделаем.

— Я... и правда безнадежна, да? Всё время на вас полагаюсь.

— Ага. Нашему временному командиру постоянно нужна помощь, прямо как одному безнадежному парню.

— Прости. Угощу тебя чем-нибудь, когда всё закончится.

— Ты лучше дай пощупать твои... — шутка Икаруги внезапно оборвалась.

— М? — озадачилась Ока. — Сугинами? Эй, ты меня слышишь?

— ...

Ответа не последовало. Даже помех не было.

Ока решила, что наушник сломался, вынула его из уха и постучала пальцем.

Звук постукивания разнёсся по тоннелю.

«Ху-ху... ху-ху-ху...»

Девушка вскинула голову, когда до неё донёсся смех.

— Кто здесь?! — крикнула она.

Вопрос Оки эхом вернулся обратно, а смех только усилился.

«Ху-ху-ху... ху-ху-ху-ху-ху... ху-ху-ху-ху...»

Смеялся не один человек, а несколько. Десятки.

Ока прищурилась и разглядела источник смеха.

На путях рядом с платформой строем стоял отряд людей в красных мантиях.

«Откуда?! Я же их совсем не почувствовала!»

Девушка поспешно приняла облик охотника на ведьм и принялась настороженно следить за движениями противника. Колдуны, опустив головы, стояли на месте, изредка слегка покачиваясь.

Зрелище было престранным. Девушка как будто встретилась с отрядом призраков.

Противник стоял, даже не поднимая посохи. Нетерпение Оки росло.

«Мастер... берегись», — неожиданно прошептал Влад.

— Чего?

«Не отвлекайся. Не забывайся. Покажи мне своё благородство».

Ока нахмурилась, не понимая, о чём он.

Влад у неё в голове глубоко вздохнул.

«Это она», — коротко произнёс он, и в тот же миг в центре вражеского отряда началось движение.

Колдуны разом смолкли. Теперь звучал лишь один смех. Смеялся очаровательный женский голос. Невинный, как у маленькой девочки, и в то же время пробирающий до костей, как шипение ядовитой змеи.

Ока увидела, как неясная фигура, разделяя вражеские ряды, направилась вперёд, спустилась на гравий между рельсами и медленно двинулась к ней.

Женщина, окутанная искажённой магической силой как аурой, остановилась неподалёку от девушки.

Алая форма — символ «Лагеря чистокровных». Кровь на светлых волосах, придающая им рыжеватый оттенок. Затуманенные и лишённые жизни серые глаза.

Губы — алые, будто женщина только что пила чью-то кровь — изогнулись в мягкой улыбке.

— Добрый вечер. Он прекрасен, не правда ли? — ласково произнесла она чистым певучим голосом, который совершенно не ожидалось услышать на поле боя.

Сердце Оки забилося как бешеное.

— М?.. Я помню эти прекрасные рыжие волосы. Я знаю тебя.

Смеющаяся женщина знала Оку.

Та тоже знала её.

— Кажется, мы встречались во время поручения, которое я выполняла пять лет назад... Точно, теперь я вспомнила! Точнее, я бы ни за что не забыла про тебя!

— ...

— Та счастливая семья, добрые мать с отцом и две дружные сестрёнки. Ты же одна из них, да?

— ...

— То поручение было невероятно весёлым. Моё последнее задание от «Клетки красной бабочки». Я даже сейчас помню тот восторг.

Женщина провела по губам пальцем, чуть наклонила голову и улыбнулась Оке.

Ока уже не видела ничего, кроме неё. Голос Влада, его крики даже не достигали девушки. Ока знала эту женщину. Ни за что бы не смогла забыть.

Добрая и весёлая улыбающаяся женщина...

— Ты так очаровательно улыбалась, когда убивала свою семью.

Пять лет назад эта женщина приказала Оке улыбаться.

Приказала с улыбкой убить её младшую сестру.

С той же ласковой улыбкой, тем же шепотом на ухо лишила её всего.

Это была Хохотунья. Перед Окой стояла та, из-за кого вся её жизнь пошла наперекосяк.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Ока спрыгнула с платформы, замахнулась на женщину всей мощью «Вампира» и нанесла удар, способный, вероятно, обрушить всю станцию.

— Какая нетерпеливая.

Хохотунья с улыбкой провела по губам пальцем.

В тот же миг солдаты вокруг вскинули посохи и выпустили в Оку огромные магические пули.

Девушка даже не задумалась об уклонении. Все пули до единой попали в неё, отбросили и вмяли глубоко в стену.

Каждая пуля по мощи не уступала удару эйнхерия. Обычным солдатам на подобное просто не хватило бы магической силы.

Стоящие в строю солдаты зашатались и рухнули на пол.

Они вложили в выстрелы не только магическую, но и жизненную силы, после чего тут же умерли.

— Спасибо за помощь... Вы прекрасно справились. Я ни за что не забуду ваши улыбки, — с ласковой улыбкой поблагодарила солдат Хохотунья.

Все погибшие улыбались во весь рот, даже предсмертных страданий на их лицах не отразилось. И лишь глаза были мокрыми от горестных слёз.

Оставшиеся солдаты тоже улыбались. Стенали, но улыбались.

— Мимулюс-сама... Почему?

— Не хочу умирать... Не хочу больше улыбаться... Мне больно...

— Мы ведь верили вам...

— Умоляю... Не убивайте своих...

Несмотря на душераздирающую горечь в голосе, все они улыбались до ушей.

Ока наблюдала за этим из-под завала.

— Хохотунья-а-а-а!

Девушка пронеслась сквозь облако пыли и вновь кинулась на женщину.

— Прямолинейная какая. Всё-таки злишься? — Хохотунья вновь провела пальцем по губам, и солдаты создали магическую диаграмму, однако вместо пуль из неё вылетели толстые цепи, которые опутали и подвесили Оку в воздухе.

— Гху-у-у-у-у!

Девушка принялась изворачиваться, не отрывая взгляда от Хохотуньи. Она взвыла, как зверь, и начала бесноваться, видя лишь своего врага.

«Ока! Успокойся! Ты можешь с легкостью разорвать эти цепи моей силой!» — призвал её одуматься Влад.

Однако Ока его не услышала и продолжала яростно смотреть на Хохотунью.

— Зачем ты убила мою семью?! Что они тебе сделали?! Отвечай!

«Если сейчас на полную мощность выпустишь клык, то обрушишь станцию! Своих же зацепишь!»

— Моей сестре было всего пять лет!.. Пять! Такая маленькая... А ты... заставила меня убить её! Не прощу!.. Ни за что не прощу!..

Ока, оскалившись, всё больше и больше тянулась вперёд, но чем больше она двигалась, тем сильнее сдавливали её цепи. Даже сверхчеловеческая сила облика на ведьм не помогала разорвать их.

Хохотунья залезла на платформу и подошла к Оке, после чего нагнулась и заглянула ей в глаза.

Со стороны она казалась хозяйкой, пытающейся успокоить бешеного пса.

— Этот Пожиратель реликтов... Я помню его. Так ты стала преемницей своего отца... «Багрового блика»? Вы всё же родственники, пусть и не связаны по крови, — многозначительно произнесла Хохотунья.

Ока на мгновение замерла.

— Ты пришла отомстить за Багрового блика? — продолжила женщина.

— Что ты несёшь?! Причём тут он?!

— О? Ты что, не знаешь? Я сейчас сказала, что убила твою семью просто так, но на самом деле на это была очень важная причина, — совершенно спокойно пояснила Хохотунья. — Твой отец, Кадзума Минэсиро не был гражданским. Он был даллаханом, командиром «Экс», которого прозвали Багровый блик. Он проник в «Клетку красной бабочки» незадолго до её уничтожения и схватил меня.

Ока лишилась дара речи, узнав от Хохотуньи правду. Её поразило то, что её приёмный отец оказался тем самым Багровым бликом. Но ещё больше её поразило то, что из-за этого убили её семью.

— Так ты убила мою семью ради мести?! Ради этого?!

— Аха-ха-ха. Нет, нет, что ты. Я не ненавидела его. Я даже благодарна ему. Он — герой, что спас меня. К тому же я никого не убиваю из ненависти.

Хохотунья мягко провела руками по щекам Оки и, глядя на неё полным любви взглядом, рассказала причину гибели её семьи.

— Багрового блика я убила потому, что... он страдал.

— Что?..

— Инквизиция приказала ему уничтожить «Клетку», и он исполнил этот приказ. При этом ему пришлось убить нескольких детей, которых собирались продать. В сражении со мной он тоже казался... обеспокоенным. Я сразу поняла, что внутри у него борются инквизитор и природный добряк. — Хохотунья, по щекам которой бежали слёзы, протяжно вздохнула. — Поэтому я спасла его. Освободила от страданий. Если человек умирает с улыбкой на лице, он отправляется в рай.

Услышав столь непостижимый мотив для убийства, Ока разъярилась ещё больше.

Она поняла лишь то, что эту женщину уже никак не исправить.

— Ты... сошла с ума!.. — с ненавистью посмотрела на неё девушка.

Хохотунья удивилась.

— Почему ты так на меня смотришь? Ты-то должна понимать. Ведь ты тоже должна была стать «красной бабочкой», как и я.

— Хватит... нести чушь!.. Я убью тебя... сейчас же!..

— Ока, послушай. Я не шучу. Твоя настоящая мать была товаром «Клетки», как и я. Ты родилась без магической силы, поэтому тебя собирались убить, однако Багровый блик приложил все силы, чтобы спасти твою мать. Это ему не удалось, потому что я убила её, но ты выжила. Скорее всего, он удочерил тебя, чтобы искупить вину за гибель твоей матери. И меня он тоже не убил ради этого... Да, чтобы искупить вину.

Хохотунья один за другим вываливала на девушку прежде неизвестные той факты.

Ока не знала, правду ли она говорит. Однако почти всё сходилось со словами Влада. Если та ведьма, которую пытался спасти Багровый блик, была настоящей матерью Оки, то становилось понятно, почему он удочерил девочку.

Но что с того? Это не причина убивать её семью. Это не отменяет того, что Хохотунья убила приёмных отца с матерью, младшую сестру и настоящую мать Оки.

Поводов ненавидеть её лишь прибавилось.

Хохотунья так равнодушно рассказывала о прошлом, будто это были пустые слухи.

— Всё хорошо... Все умерли со счастливой улыбкой на губах, верно?

— ...

— Твоя сестрёнка ведь тоже улыбалась. Её печалило, что сестрёнка сейчас лишит её жизни, но она всё равно улыбалась.

Ярость Оки вырвалась наружу, и девушка со всей силы выбросила правый кулак в лицо ведьме. Хохотунья с легкостью остановила его одной рукой.

— Потрясающая сила! Но мой древний атрибут тоже неплох.

Магическая диаграмма полыхнула ослепительным белым светом.

Ока тут же поняла, что это.

Древний атрибут «Сияние». Его ключевая особенность — усиливающая магия, которая позволяет принудительно превзойти пределы, а также возможность преобразовывать жизненную силу цели в магическую. Магические пули и цепи, сковывающие Оку, создали солдаты, которые превзошли свои пределы.

— Слушай... Не злись так, ладно? Как бы тяжело тебе не было, надо всегда улыбаться. Этому меня научили в «Клетке». Ты тоже должна была стать «Красной бабочкой», так что следуй моему примеру. — Хохотунья провела пальцем по щеке беснующейся Оки и грустно улыбнулась. — Я — одна из товаров «Клетки». Надо мной с ранних лет измывались, пока я не сломалась душой и разумом. Вероятно, я испытала всю боль, отчаяние и унижения, что возможны в этом мире. Мне было так тяжело, что хотелось умереть, но потом я заметила, что все тяготы проходят незаметно, если я улыбаюсь.

— Плевать... Я убью тебя!..

— Я и по сей день благодарна людям из «Клетки». Благодаря им я всегда улыбаюсь и дарю людям по всему миру возможность умереть с улыбкой. Разве не здорово?

— Я тебя убью!.. Я убью тебя, Хохотунья!..

— О, правда? Отлично. Смерть для меня спасение... Только улыбайся, ладно? Ты должна улыбаться, когда будешь убивать меня. Я тоже буду улыбаться.

— Безумная... убийца! — выкрикнула Ока, глаза которой горели красным.

Хохотунья с грустью опустила взгляд.

— Ты уже решила для себя, что я сошла с ума, так? Колдуны из Вальгаллы, которые забрали меня после того, как я сбежала от Инквизиции, тоже пришли к такому выводу. Они решили, что я ненормальная, что я чудовище, и приговорили к запечатыванию памяти. Среди них даже нашелся тот, кто попытался излечить меня, представляешь? И почему никто не может понять... — На мгновение на лице женщины отразилась подавленность, но её тут же сменила улыбка. — Но не волнуйся! Всё будет хорошо, пока мы улыбаемся! И чтобы доказать тебе это, я заставлю улыбаться ещё больше людей! — воодушевлённо заявила Хохотунья, глаза которой блестели как у маленькой девочки, после чего создала за спиной красные крылья, как у бабочки, и сильнее сжала щёки Оки. — Давай, улыбнись мне. Ты должна радостно улыбаться, в каком бы положении ни находилась. Всё нормально, не бойся. Просто убей меня с той же улыбкой, с которой убивала свою младшую сестру.

Ока догадалась, что Хохотунья собирается применить какое-то заклинание, и принялась вырываться, но не сумела справиться силами.

«Плохо... Тебе не справиться с этим заклинанием! Надо уходить! Она уже начинает контролировать мою силу! Такими темпами она скоро лишит тебя контроля над телом!»

— А... гх...

«Ты же знаешь формулу этого сдерживающего заклинания! Разорви цепи!»

— А-а-а-а!

Полностью вышедшая из себя Ока просто не смогла бы построить магическую формулу.

Магическая диаграмма под ногами ведьмы завращалась, крылья за спиной забились.

— А теперь... я заставлю тебя улыбнуться! — По щекам Хохотуньи скатились две слезинки, и заклинание активировалось.

Выхода нет. Оку вновь лишат контроля над телом и заставят улыбаться против её воли, как в тот раз.

Однако за мгновение до того, как заклинание обрело силу...

— «Мощный выстрел»!

Сбоку на неё обрушилась волна тёмно-зелёной магической силы и отбросила в сторону.

В тот же миг цепи исчезли, и Ока обрела свободу.

Спас её Кёя Киригая.

— Чёрт, силы не хватило!..

«Пришлось поубавить мощи, чтобы потолок не обвалился. Или ты бы предпочёл, чтобы нас всех завалило?»

— Закройся.

Кёя с дробовиком наперевес прошёл турникеты и спустился на платформу.

Хохотунья уже скрылась на своих крыльях в тоннеле.

Кёя резко остановился перед Окой и раздражённо цокнул языком.

— Чёрт!.. Сбежала!..

«Нам её не догнать. Хозяин сейчас та-а-ако-о-ой медленный».

— Сама же ничего не можешь!

«Это ты в последнее время сам не свой, из-за чего я и не могу показать всю силу. Не сваливай вину на меня».

— Неживая, а только и успеваешь оправдываться! — Зло выругавшись, Кёя искоса взглянул на сидящую на коленях Оку. — Не самый лучший вид после той бравადы, «командир».

— ...

— Если перед своим врагом можешь только ползать на коленях, помогать я тебе не стану. — Парень презрительно взглянул на Оку и провоцирующе произнес: — Я сам убью её. А ты сиди здесь, если хочешь.

— Заткнись...

— А?

— Заткнись, пристрелю.

Кёя содрогнулся от колоссальной волны кровожадности в свой адрес и резко сощурился.

В глазах Оки пылало голубое пламя, а её рыжие волосы, казалось, стали багровыми от жажды крови.

Парень, заглянув в глаза девушки, которая сейчас стала воплощением жажды крови, расхохотался.

— Так-то лучше!.. Отличный взгляд, Ока Отори!..

— Её убью я. Она только моя добыча.

— Смотрю, выкладываешься на полную? Давай тогда кто быстрее её убьёт.

Кёя приготовил Нерон, Ока поднялась и вновь приняла облик охотника на ведьм.

Два мстителя встали у входа в тоннель.

И когда они уже собирались кинуться во тьму вслед за Хохотуньей, Ока краем уха уловила какой-то шум.

После непродолжительных поисков источника, она нашла на земле наушник, который вылетел у неё из уха, когда её отбросило магическими пулями.

— Ото... ри... помо... ги...

Услышав из наушника слабый голос, Ока наконец опомнилась.

Девушка побледнела, подняла наушник и сунула его в ухо.

— Что случилось?!

— Ловушка... Враг неожиданно напал, улыбаясь... А потом... и нас, и их... отравляющим газом!..

Ока ошарашенно подняла взгляд к турникетам и увидела, как вниз по ступенькам струится тёмно-красный газ.

Когда Усаги зашлась жестоким кашлем, Ока побледнела ещё сильнее.

— Такое!..

Она наконец осознала, что забылась и прервала связь с товарищами.

— Тц, применила такой грязный трюк... Эй, надо быстрее...

Кёя ещё не успел договорить, а Ока уже сорвалась с места. Но кинулась она не за Хохотуньей, а к своим товарищам.

— Хмф...

Парень неохотно последовал за несущейся на всех парах девушкой.

— Сайондзи!

Когда Ока добралась до выхода, его уже заполнил отравляющий газ.

Усаги она нашла сразу же. Та пыталась вытащить на себе двух спригганов, но не могла пошевелиться.

На полу всюду лежали тела чистокровок и спригганов. Газ травил всех без разбору.

— П-прости... кх... Я надела противогаз, но... газ оказался коррозионным...

При виде Усаги Ока не смогла проронить ни слова. Девушку с ног до головы покрывали чёрные синяки. В маске, которую специально для неё делала Икаруга, зияла проеденная дыра. Маски спригганов же разъело полностью.

— Быстрее... Надо уходить!..

— Мы не можем... бросить их!.. Надо вытащить... хотя бы этих двоих!

Тело Усаги уже почти полностью почернело, но она всё равно беспокоилась о двух мужчинах, которые едва дышали.

Ока хотела было подхватить их, как...

— С дороги.

Кёя плечом оттеснил её, прошёл вперед и опустился на корточки рядом с Усаги, после чего создал магическую диаграмму напротив лбов отравленных.

— Атрибут Нерон — «Яд». Она может создать другой яд, который нейтрализует этот. — Синяки с тел Усаги и спригганов исчезли. Кёя подставил одному мужчине плечо, другого взял за ворот. — Другим не помочь. Хватай Сайондзи и сваливаем.

— Киригая... Спасибо...

— Заткнись. Чёрт, весь интерес пропал, — раздраженно пробубнил Кёя.

Ока подхватила Усаги на руки.

— Отори... как же я рада... ты жива... Я не могла... с тобой связаться... и беспокоилась...

— Прости... правда...

— Почему... ты плачешь?

Ока рыдала, прижимая к себе озадаченную Усаги.

Девушка была ошеломлена собственной слабостью и понимала, что не имеет права извиняться и плакать.

Все её слова товарищам и Владу оказались ложью.

Ока винила себя за то, что позволила мести завладеть её чувствами.

<http://tl.rulate.ru/book/101721/3793472>